

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-265-278

ПОНИМАЮЩАЯ СОЦИОЛОГИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ: «АГЕНТНАЯ» МОДЕЛЬ ПОВЕДЕНИЯ ГОСУДАРСТВА НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

И.Н. Тимофеев

Московский государственный институт международных отношений
МИД РФ, Москва, Россия

В статье рассматриваются возможности социологических теорий в исследовании проблематики международных отношений. Актуальность такого анализа определяется серией международно-политических кризисов (включая украинский), которые оказались сюрпризом для ученых международных отношений. В частности, эти кризисы выявили ограниченность реализма, который остается наиболее влиятельной теорией международных отношений. В качестве альтернативы предлагается вернуться к идее конвергенции социологической теории и теории МО. В статье анализируются сильные и слабые стороны методологического холизма конструктивистской теории международных отношений, которая представляла собой попытку социологического стиля изучения международных отношений. На основе категорий понимающей социологии Макса Вебера, типологии концептуальных моделей принятия внешнеполитических решений Грэма Аллисона и модели влияния идейных факторов на внешнюю политику Марка Хааса, конструируется «агентная» модель поведения государства на международной арене. В качестве «агента» рассматриваются три единицы анализа — государство, организации и ведомства внутри государств, а также конкретные лица, принимающие и исполняющие решения. Проводится ревизия понятия идентичности как организующего концепта для анализа социальных структур и их влияния на внешнюю политику. Акцент на «агенте», а не на структуре представляет собой альтернативу методологическому холизму конструктивистов, подобных Александру Вендту. Подобная модель представляется наиболее применимой к исследованию крупных государств, которые сами задают параметры структуры международных отношений, играя, в отличие от малых стран, субъектную, а не объектную роль. Модель формируется в качестве основы для дальнейших эмпирических исследований внешней политики России на основе социологических подходов.

Ключевые слова: дилемма безопасности, конструктивизм, социальный факт, понимающая социология, агент, структура, идентичность, идеология

Тезис о затяжной трансформации системы международных отношений после окончания холодной войны стал общим для многих исследователей. В последние несколько лет скорость этих изменений возросла. Усиливается конфликтность и конкурентность международной среды. Российская внешняя политика и ее отношения с коллективным Западом оказались на острие этих изменений. За очень короткий по историческим меркам период времени Россия и Запад превратились из партнеров в соперников¹. Россия пошла на беспрецедентные для сложивше-

¹ Вопрос о степени партнерства России и Запада, конечно, является дискуссионным. Однако формат партнерства был формально закреплен в целом ряде документов — Основопологающем акте Россия—НАТО, Базовом соглашении России и ЕС и др.

гося мирового и европейского порядка меры. Она жестко отреагировала на украинскую революцию, воссоединилась с Крымом, поддержала повстанцев Донбасса, не оглядываясь на критику и санкции Запада. Подобный разворот политики Москвы оказался полной неожиданностью для ученых-международников. В очередной раз внезапный кризис заставляет исследователей проводить ревизию своих теоретических и эмпирических моделей.

Российский случай трудно назвать исключительным. Выход Великобритании из ЕС едва ли был предсказуем. США после победы Д. Трампа ведут коренной поворот своей внешней политики. Разрыв ТТП, который активно продвигался США в течение длительного времени и казался стержнем азиатской политики — лишь один из примеров в числе неожиданностей. На Ближнем Востоке сюрпризом стала тесная координация России, Турции и Ирана, при второстепенном участии Запада. Ученые вынуждены объяснять все эти события уже постфактум.

Рост силовой составляющей в международных отношениях, их хаотизация и потеря ориентиров возвращают к жизни теорию реализма в ее различных вариациях. Действительно, мощь, баланс сил, борьба за ресурсы и выживание, анархия и страх — полезные категории, задающие координаты понимания и анализа событий в условиях неустойчивости мирового порядка. Материальные параметры, на которые опираются реалисты, являются полезными индикаторами. На основе этих индикаторов можно проследить идущие полным ходом перемены — как меняются военные расходы, численность, оснащенность и расположение армий, экономические потенциалы, территориальные претензии, интенсивность локальных конфликтов и т.п. [Тимофеев 2009].

Вместе с тем, будучи прекрасным индикатором происходящих событий, категории реализма дают весьма ограниченное понимание того, почему происходят международные кризисы, подобные украинскому. Реализм бессилен в объяснении начала новой холодной войны. По сути, ни один из реалистских факторов не свидетельствовал о возможности кризиса. Баланс сил не был составляющей российско-украинских отношений. Восточный фланг НАТО, равно как и западные военные округа России, были серьезно демилитаризованы после окончания холодной войны и не представляли взаимной угрозы. Более того, Россия и НАТО выступали партнерами по целому ряду направлений (Афганистан, борьба с терроризмом и т.п.). Дальнейшее расширение НАТО на Восток было крайне отдаленной перспективой, не говоря уже о том, что постсоветская Россия вряд ли представляла угрозу для альянса. Все это заставляет искать причины, которые привели в движение силовую составляющую, но которые лежат за ее пределами и не могут сводиться исключительно к ней.

Парадоксальным образом, новая эпоха реализма в практике международных отношений заставляет искать альтернативные модели в теории МО. Происходящие процессы требуют возвращения к фундаментальным вопросам о социальной природе МО, а также к вопросу об отношениях структуры и агента, их свойств и причинно-следственных связях между ними.

Цель данной статьи состоит в конструировании теоретической модели, которая позволяла бы объяснить поведение крупной державы (агента) в отношениях

с ее контрагентами в рамках сложившихся структур международных отношений. Ее ключевой вопрос сводится к тому, каким образом идеология и идентичность влияют на выбор агента в дилемме безопасности. Основной тезис состоит в том, что в объяснении поведения крупных держав, подобных России, требуется акцент на свойствах, присущих агенту, а не системе. Истоки международных кризисов необходимо искать в социальных свойствах агента, задающих вектор его силовой политики. В таком исследовании будут востребованы теории смежных дисциплин. Аргументация этого тезиса потребует интерпретации понятий идеологии и идентичности, а также ревизии возможностей социологических теорий в объяснении международных процессов.

СОЦИАЛЬНЫЙ ФАКТ ИЛИ СОЦИАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Акцент на социальных составляющих международных отношений принято связывать с конструктивистской теорией МО в ее различных вариациях. Конструктивизм можно считать социальной теорией международных отношений. Зависимой переменной для конструктивистов остается поведение государства в условиях дилеммы безопасности — выбор государства между миром и войной в отношениях со своими контрагентами [Тимофеев 2008]. Однако объяснение поведения государств связывается с ролью социальных конструктов — идентичностей, системы идей, культуры, традиций восприятия государствами друг друга и т.п. Именно эти социальные структуры и являются независимыми переменными в конструктивистских моделях. В то же время такой подход порождает множество вопросов [Алексеева и др. 2016]. Какова природа социальных конструктов? Как взаимосвязаны надгосударственные социальные конструкты с теми, которые порождаются отдельными государствами?

Внутри самого конструктивизма выбор в пользу структуры или агента, равно как и вопрос о природе социальных конструктов, остается открытым. При этом конструктивисты претендуют на то, чтобы выстроить «социологическую теорию» международных отношений, объясняющую конкретные факты (что собой представляет политика). Этим конструктивизм отличается от политических теорий реализма и либерализма, которые опираются на нормативные допущения (какой должна быть политика) и выстраиваются на мощной политико-философской традиции консервативных и либеральных теорий. Конструктивизм во многом возвращается к позитивистской социологии в духе Огюста Конта и Эмиля Дюркгейма [Теоретическая... 2002: 6—13].

Социологическая теория действительно дает конструктивизму богатый понятийный аппарат. Понятие социального конструкта — центрального для этой теории — вырастает из позитивистской традиции. Социальный конструкт, по сути, является коллективным представлением в том смысле, в котором его понимал Дюркгейм. То есть суммой идей, норм и установок, которые образуют надындивидуальную систему идей, не сводящуюся к представлениям отдельного человека. При этом коллективные представления задают рамки для поведения индивида, детерминируют его. Дюркгейм называет их социальными фактами — внешними

по отношению к отдельным индивидам условиям. Социальный факт должен рассматриваться в том же ключе, в котором «вещь» изучается точными науками: он должен быть эмпирически зафиксирован [Дюркгейм 1995]. То есть социальные конструкты принципиально познаваемы методами социологии даже несмотря на то, что многие из них являются «воображаемыми» сущностями.

Социологическая теория Дюркгейма задает контуры объяснительной модели социальных процессов и явлений. Она является, во-первых, холистской — т.е. частное объясняется целым, а агент вторичен по отношению к структуре. Во-вторых — идеалистической, а не материалистической: социальные структуры — это самостоятельные факторы, которые должны аналитически отделяться от роли материальных условий.

С применением этой схемы не возникает проблем в социологии, однако в исследованиях международных отношений она требует серьезной адаптации. Здесь, в первую очередь, возникает вопрос о единице анализа — кто является действующим агентом? В социологии речь идет об индивиде. В международных отношениях единицей анализа, в основном, выступает государство. Иными словами, государства действуют как индивиды, порождая надгосударственную систему коллективных представлений. Эти представления обретают самостоятельную силу и детерминируют поведение отдельных государств.

Но ведь и сами государства являются коллективными сущностями! Соответственно предмет изучения раздваивается. С одной стороны, можно объяснять поведение государства влиянием международных (наднациональных) норм. Александр Вендт, в частности, говорит о системе МО, как о системе распределения идей, по аналогии с неореализмом Кеннета Уолтца с его системой МО, построенной на распределении мощи. В таком случае, мы делаем акцент на структуре, а не на агенте. Но с другой стороны, можно говорить о поведении государства с точки зрения его собственных коллективных представлений — традиций, стратегической культуры, идентичностей и т.п. В этом случае мы делаем акцент уже на агенте — мы изучаем его с точки зрения его коллективных представлений и их влияния на внешнюю политику. Из этих двух альтернатив Вендт выбирает в пользу холизма, делая акцент на структуре. В то же время он признает, что коллективные представления агента — отдельная тема и значение этого фактора велико [Wendt 1999: 1—5].

Основная проблема конструктивистского холизма в международных отношениях (это признает и сам Вендт) связана с низкой плотностью международной среды [Wendt 1999: 10—14]. Если в качестве агента рассматривать государство, то их число в системе международных отношений ограничено парой сотен — это ничтожное число в сравнении с дюркгеймовским множеством агентов, направляемых социальными фактами. Нормативные структуры, порождаемые ограниченным набором игроков, могут оказаться гораздо менее устойчивыми и влиятельными в сравнении с аналогичными структурами в обществе. Кроме того, в обществе агентам свойственна большая однородность — многие социальные характеристики имеют нормальное распределение. И наоборот, в международных отношениях

неравенство потенциала агентов — ключевое свойство. Число тех, кто может считаться значимыми игроками не превышает полусотни, а клуб наиболее сильных ограничивается десятком. Но с другой стороны у государства как агента есть и противоположное свойство. Даже самое бедное государство обладает политическим суверенитетом. Оно имеет возможность расправиться на своей территории с любым неправительственным актором, невзирая на его авторитет и финансовую мощь. Иными словами, даже слабое государство может игнорировать международные нормы. Причем это происходит даже тогда, когда в его адрес идет давление со стороны крупных игроков. Государство — монополист на насилие. Именно этим объясняется нежелание многих международников расширять аналитическую схему системы международных отношений на негосударственных игроков. Такой аналитический ход давал бы возможность рассматривать систему международных отношений как гораздо более плотную среду, укрепляя позиции сторонников изучения неправительственных акторов, равно как и сторонников холистских подходов.

Вместе с тем трудно отрицать то, что государства могут формировать устойчивые сети, режимы, организации, а также нормы поведения. Нет сомнений, что эти нормы могут влиять на действия государств, задавать рамки «рациональному выбору». Хедли Булл, ставший одним из предтеч конструктивизма, характеризовал мировой порядок как совокупность норм. Причем они далеко не сводятся к международному праву. Булл рассуждает о культуре международных отношений, носителями которой выступают, главным образом, элиты и внешнеполитическое сообщество. От того, насколько глубоко эта культура сможет прорасти вглубь отдельных обществ, зависит и будущее международных норм [Bull 2002: 304]. Брексит в Великобритании и победа Д. Трампа в США как раз являются частью этого противоречия. По сути, это протест общества против давно глобализовавшейся элиты [Лукьянов и др. 2017].

Александр Вендт вносит в идеи Хедли Булла важное дополнение. Мировой порядок вряд ли можно рассматривать в отрыве от понятия анархии. Природа МО анархична. Но сама анархия — далеко не предзадана по умолчанию эгоистической природой государства, как это полагают реалисты. Анархия — это не что иное, как социальный конструкт, своего рода система восприятия международных отношений. Поэтому биполярность или многополярность в «гоббсовской» системе координат будет означать совершенно иное, в сравнении с «локковской» или же «кантианской» [Wendt 1999: 7—21]. По большому счету такой подход имеет постструктуралистскую логику. Задача исследователя — провести «археологию знаний», вскрыть систему идей, которая определяет поведение государств.

Тем не менее этот интеллектуальный ход имеет нюанс. Действительно, международные «коллективные представления» могут повлиять на поведение государства. Но значит ли это, что они определяют его идентичность — его представление о себе, своей роли в мире? Ведь идентичность не равна поведению. В ее формировании велика роль национальной политической и интеллектуальной элиты, а также исторический и культурный материал той или иной страны. Как ми-

нимум спорным является то, что международная культура способна «перебить» механизмы формирования идентичности внутри агента. А это возвращает нас к внутренним механизмам формирования идентичности агента. В конечном итоге их специфика вполне может влиять на то, как именно воспринимаются международные нормы. А это в свою очередь ставит перед необходимостью заглянуть внутрь «бильярдного шара» — государства как агента международных отношений.

Возвращение к агенту делает целесообразным и расширение фокуса социологической теории, стоящей за конструктивистской теорией МО. Если для анализа структур идей вполне подходит понятие социального факта Эмиля Дюркгейма, то для изучения агента подходящим представляется понятие социального действия Макса Вебера. Сущностная черта социального действия — наличие субъективного смысла, которое вкладывает в него действующий агент, ориентируясь на поведение и смыслы других. Соответственно задача исследователя — раскрыть субъективный смысл, «понять» социальное действие, добиться того, что Вебер называет рациональной очевидностью [Теоретическая... 2002: 71—110]. В этом случае идентичность становится своего рода навигационной картой, позволяющей нам истолковать смысл действия индивида.

Но здесь возникает другой вопрос — а можно ли отождествлять индивида и коллективного агента, к числу которых относится и государство? В методологии Макса Вебера ответ был бы отрицательным. «Коллективные мысленные образования», как называет их Вебер, сводятся к пониманиям и действиям отдельных индивидов. Коллективные структуры важны с точки зрения того, как именно они понимаются индивидом (в отличие от дюркгеймовских социальных фактов, не сводимых к индивиду). Для нас же это означает необходимость уточнить понятие агента и зафиксировать в нем роль индивидуального и коллективного начал.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ И ТРИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ «АГЕНТА»

Грэм Аллисон в одной из своих работ представил замечательную картину конкуренции различных интерпретаций государства как агента международных отношений. Он определил три подхода к понятию агента, причем каждая такая интерпретация задает собственный исследовательский фокус — причинно-следственные связи, которые необходимо изучать, предмет и объект исследования [Теория... 2002].

В модели рациональной политики государство (агент) рассматривается как «черный ящик». Известны параметры «входа» и «выхода» — т.е. рациональные потребности и интересы государства, а также рациональные ответы на эти потребности — политические стратегии или отдельные шаги на международной арене. То, как именно функционирует «черный ящик», выводится за рамки анализа. Внутри «черного ящика» далеко не все взаимодействия могут быть рациональными — они подвержены аффектам, случайностям, непреднамеренным действиям. Но в сумме они дают рациональное восприятие проблем, целеполагание и действия по их решению. При этом государство стремится максимизировать

полезность своих действий, т.е. добиться высоких результатов при минимальных издержках. Оно выбирает из нескольких альтернатив наиболее полезную [Теория... 2002].

Для теорий реализма и либерализма в МО такое понимание агента является наиболее подходящим — именно поэтому их называют рационалистическими теориями. Структура международных отношений порождается суммой взаимодействия рациональных игроков. Возникают международные нормы, режимы или же структуры распределения мощи, которые делают то или иное поведение государства более или менее рациональным. Соответственно лидерство получает тот игрок, который максимизирует ресурсы, добивается их рационального использования и активно влияет на формирование «правил игры». При этом реалисты остаются в концепции «черного ящика», рассматривая государство как «бильярдный шар». Либералы пытаются выявить влияние внутренней структуры «черного ящика» на внешнеполитические решения, но не отходят от рационалистической картины агента.

Совсем иная картина предстает в двух других моделях. Первая альтернатива — модель организационного процесса. Здесь происходит отказ от понимания государства как «черного ящика». Внутри него обнаруживается конгломерат организаций и корпоративных структур, каждая из которых обладает собственным функционалом. Эти структуры по своему рациональны. Причем мерилom рациональности здесь выступает не только и не столько результат внешней политики, сколько доля государственных ассигнований, выделяемых именно этой организации, а также закрепленных за ней политических полномочий. Формально организации должны действовать скоординировано. Но в реальности они нередко враждуют и конкурируют друг с другом. Влияние лидера государства на организации ограничено. У них есть массивный набор правил и установлений, которые крайне сложно изменить в одночасье — смена руководителей организации далеко не идентична смене ее правил. Поэтому каждая организация пытается снизить неопределенность, максимально формализуя свою работу, превращая ее в набор повторяющихся, четко прописанных репертуаров — гласных и негласных инструкций. Изучение этих репертуаров — ключ к пониманию внешней политики государства. Внешнеполитический курс «запрограммирован» репертуарами организаций — чтобы понять завтрашние внешнеполитические действия, нужно изучить сегодняшние правила, рутины и программы организаций [Теория... 2002]. К этому я добавил бы необходимость изучения и организационных субкультур.

Вторая альтернатива — модель бюрократической политики. Здесь единицей анализа выступает уже не организация, а множество индивидов, исполняющих те или иные функции в государственном аппарате. У каждого из них — свое место и роль в иерархии (лидеры, аппаратчики, исполнители), особый набор полномочий и ресурсов, которыми они могут распоряжаться. Процесс взаимодействия между ними можно описать в терминах теории социального обмена Джорджа Хоманса и Питера Блау. За внешней политикой стоит непрерывный внутренний торг отдельных лиц на самых разных уровнях государственного аппарата. Итоговые

решения представляют собой «протаскивание» одних решений в ущерб другим, а не результат рациональной политики. Тем не менее итоговое решение часто не соответствует в полной мере ожиданиям ни одного из конкурирующих игроков [Теория... 2002].

Очевидно, что социологические подходы в наибольшей степени применимы к модели организаций и модели бюрократической политики. В первом случае речь будет идти об изучении формальных и неформальных институтов — дюркгеймовских социальных фактов. Во втором — об изучении социального действия отдельных лиц в бюрократической машине, а также смысла, который они вкладывают в свои действия и который они атрибутируют с институтами.

Эти три подхода задают логику понимания идентичности агента. В первом случае идентичность можно рассматривать как государственную доктрину или идеологию — совокупность документов и программ, в которых определяется видение государством своего места и роли в мире. То, как именно и кем были подготовлены эти формальные нарративы, выходит за пределы данного подхода: важен сам факт наличия тех или иных рациональных норм. Во втором случае идентичность — это набор различных видений и концепций государства и его места в мире, закреплённых в формальном функционале и неформальной культуре отдельных организаций. Картина мира в силовых ведомствах может серьёзно отличаться от аналогичной картины в гражданских министерствах. Здесь предметом анализа являются организационные нормы и культуры. В третьем случае идентичность — это картины мира отдельных функционеров, тот смысл, который они вкладывают во внешнюю политику своего государства и его идеологию.

Возникает вопрос, а не является ли идентичность лишним понятием? Может быть для понимания поведения государства (например, выбора в дилемме безопасности) достаточно знать рациональные мотивы, или же мотивы организаций, или же особенности поведения индивидов и малых групп, вовлечённых в принятие и исполнение решений? В чем добавленный смысл понятия идентичности?

Ответ на этот вопрос представляется следующим. Идентичность выступает «организующим понятием», т.е. объединяющим под своим зонтиком целый пласт социальных явлений. Независимо от того, как именно мы понимаем агента, он имеет определённую картину мира, своего места в ней, представление о «значимых других». Агент определённым образом интерпретирует свою историю и конструирует образ будущего. За всем этим стоит множество явлений — формальные и неформальные нормы, убеждения и установки, корпоративная и индивидуальная культура, отражение норм в сознании отдельных индивидов или же в культурах организаций. Понятие идентичности помогает организовать все это множество явлений. Идентичность имеет отношение к «я-концепции» агента, является социальным конструктом, преломляющимся в сознании отдельных индивидов. При этом понятие идентичности, как и любое понятие, не является исчерпывающим, организуя лишь определённый кластер явлений.

Здесь необходимо пояснить понятие идентичности как социального конструкта. Хорошим подспорьем представляется богатая теоретическая традиция изучения наций и национализма, а точнее дискуссия между «примордиалистами» и «конструктивистами». Первые исходят из того, что национальная идентичность укоренена в этнической и религиозной культуре. Глубокие культурные пласты задают определенную колею или нормативные рамки для элиты государства [Смит 2004]. Конструктивисты, наоборот, считают национальную политическую элиту активным действующим лицом. Элита конструирует национальную идентичность, интерпретирует исторический и культурный материал в интересах легитимации своей власти, изобретает традиции и ритуалы, создает и транслирует через СМИ и массовые институты образ государства и «значимых других». В любом случае на выходе мы имеем дело с определенной смысловой и нормативной конструкцией, достаточно стабильной и устойчивой во времени, укорененной в групповом сознании и культуре. Независимо от того, как именно конструируется идентичность, ее трудно изменить в одночасье.

Еще один важный вопрос — соотношение понятий идентичности и идеологии. Оба понятия находятся в логическом отношении пересечения: они не тождественны, но имеют пересекающееся смысловое поле. Идеология представляет собой систему аргументации нормативного политического порядка. Идеология — утилитарна, направлена на конкретные политические цели и отражает властный интерес той или иной социальной группы. Идентичность может отражаться в идеологии, например, в национальной доктрине. Но она выходит за ее пределы, будучи укорененной в культуре. Идеология — маркер идентичности, но не сводится к ней. В зависимости от фокуса исследования, можно изучать идентичность через анализ идеологий или же через изучение культуры. Пример одной из таких моделей мы рассмотрим ниже.

МОДЕЛЬ ХААСА

В российском научном обороте была незаслуженно пропущена оригинальная модель влияния идейных факторов на внешнюю политику, автором которой является Марк Хаас [Haas 2007]. Он отталкивается от теорий социальной идентичности и указывает на социально-психологические механизмы конфликтов. Этот подход Хаас противопоставляет «материалистическому» взгляду, который подразумевает, что конфликты находятся в зависимости от распределения ограниченных ресурсов. Человеку и группам свойственно формировать идентичность — видение себя и других. Независимо от изобилия ресурсов, группам присуще оценивать себя в терминах превосходства и закреплять такую оценку через негативный образ другого [Haas 2007: 9]. Влияние дефицита ресурсов вряд ли стоит сбрасывать со счетов [Тимофеев 2014]. Но социальная динамика групп может создавать конфликты даже там, где нет конкуренции за ресурсы. (Интересно, тезис о предзаданности конфликта согласуется с находками Питирима Сорокина [Сорокин 2000: 556—557]). В своих исследованиях истории войн и конфликтов он обнаружил, что их циклы и частота конфликтов более или менее постоянны и не зависят от ресурсной обес-

печенности). Иными словами, группы могут «воображать» конфликт даже там, где для этого нет материальных причин. То, против кого будет действовать этот механизм, определяется идеологией. Она позволяет классифицировать «значимых других», исходя из их идеологических установок.

Важным в модели Хааса является понятие идеологической дистанции между агентами. Хаас постулирует тезис о том, что причиной конфликтного поведения государств является степень расхождения в их идеологиях, тогда как само содержание идеологий — вторично. При этом под идеологией он понимает систему нормативных установок, помогающих политическому лидеру легитимировать свой режим и действия. Сам лидер является носителем этой идеологии, в той или иной степени разделяет ее. Лидера нельзя понимать как циничного наблюдателя, который использует идеологию лишь как ширму. А значит — идеология также определяет и то, как именно интерпретируются лидером действия других государств и исходящие от них угрозы [Haas 2007: 4—9].

Другое важное понятие в модели Хааса — идеологическое заражение. Идеологии вполне могут носить транснациональный характер, передаваясь от одних странам другим, влияя и трансформируя их идентичности, получая специфическую национальную интерпретацию. Целостность режима в одной стране вполне может быть затронута идеями другой, что превращает идеологию в фактор безопасности, равно как и в вопрос доверия. Страх идеологического заражения подрывает доверие, заставляет рассматривать источник заражения в качестве угрозы [Haas 2007: 4—9]. Это хорошо показал опыт «цветных революций» на постсоветском пространстве, которые с подозрением воспринимались в России и оказывали влияние на ее отношения с Западом [Дегтерев 2016].

Однако здесь возникает традиционный для международных отношений вопрос о роли силы. Какое отношение идеология и идентичность имеют к фактору силы? Гипотеза Хааса состоит в том, что чем больше идеологическая дистанция между странами, тем в большей степени на их отношения влияет баланс сил. Идеологическая дистанция усиливает «гоббсовский страх», обостряет анархичность международных отношений и усложняет коммуникацию между государствами. В условиях большой идеологической дистанции любая коммуникация между странами становится дорогостоящей для их лидеров. Позитивные сигналы противоположной стороне чреватые потерей внутренней легитимности. (Внутренняя критика намерений Д. Трампа по нормализации отношений с Россией представляется хорошей иллюстрацией). Кроме того, идеологическая дистанция порождает разные интерпретации одного и того же. Стороны не понимают одинаково сигналы, которые направляют друг другу. Они действуют в разных нарративах, что еще больше усложняет коммуникацию и усиливает неопределенность. Идеология помогает определить угрозу, тогда как силовой потенциал и баланс сил определяют оптимальную стратегию реагирования на угрозу [Haas 2007: 10—18].

Модель Хааса возвращает нас к веберовскому понятию субъективного смысла. Основное действующее лицо в этой модели — политические лидеры и лица, принимающие решения. В конечном итоге дилемма безопасности будет решаться в зависимости от того, какой субъективный смысл вкладывают лидеры в существующий баланс сил, а также безопасность собственного государства.

Попробуем обозначить основные допущения модели исследования внешней политики государства с социологической точки зрения (понимая, что речь идет лишь об одной из возможных моделей, а социологическая и политическая теория дает возможность сконструировать массу других схем).

Во-первых, наша модель объясняет политическую переменную (поведение государства на международной арене в условиях анархии, неопределенности и дилеммы безопасности) набором переменных, выходящих за пределы политических категорий. Этим модель отличается от базового постулата реалистов и неореалистов, которая подразумевает объяснение политического политическим — интересами, стремлением к гегемонии, распределением мощи и т.п. [Waltz 2010: 41—51].

Во-вторых, наша модель является социологической в том плане, что набором ее независимых переменных выступают социальные конструкты — идентичность, нормы, культура, а также субъективный смысл, который атрибутируется отдельным действующим индивидом (политическим лидером или иным действующим лицом) с институтами, балансом сил или поведением других государств.

В-третьих, модель является идеалистической, т.е. речь идет об изучении тех социальных конструктов, которые носят нематериальный характер. Понимая важность материальных факторов, мы фокусируемся на изучении «воображаемых» социальных конструктов или же субъективных смыслов, проводим археологию знания в том смысле, в котором это понятие использовалось постструктуралистами. Проблема распределения ресурсов или неравенства как таковая остается за пределами нашего анализа. Скорее нас интересует субъективный смысл, который связывается с этими явлениями.

В-четвертых, мы рассматриваем социальные конструкты как свойственные агенту, а не структуре (понимая, что структурные исследования также имеют серьезный объяснительный потенциал). Наше допущение состоит в том, что в изучении внешней политики таких крупных государств, как Россия целесообразно делать акцент именно на агенте в силу его веса, способности самостоятельно форматировать международную среду и игнорировать аналогичные импульсы извне. Структурный (холистский) подход в большей степени подходит для изучения малых и средних государств, а также неправительственных акторов. Хотя влияния внешней среды на формирование идентичности даже крупных агентов исключать не следует.

В-пятых, понятие агента мы связываем не столько с государством как «черным ящиком» и рационально действующим актором, сколько с конкретными индивидами (лидерами, лицами, принимающими решения, исполнителями), их картинами мира и восприятиями тех или иных институтов. То есть мы рассматриваем агента в веберовской логике. В типологии аналитических моделей государства Грэма Алиссона мы делаем акцент на третьем подходе — анализе политики сквозь призму конкретных индивидов, занимающих определенное место в государственных институтах и иерархиях.

В-шестых, мы рассматриваем понятие идентичности как организующее понятие для анализа социальных конструктов и их влияния на внешнюю политику.

Мы также используем понятие идеологии, которое находится в логическом пересечении с понятием идентичности.

Наконец, в-седьмых, мы берем на вооружение понятие идеологической (идейной) дистанции Марка Хааса как объяснительного механизма поведения государства на международной арене.

Дальнейший шаг нашего исследования — эмпирическая апробация модели через серию глубинных интервью с представителями российской внешнеполитической элиты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеева Т.А., Минеев А.П., Фененко А.В., Лошкарев И.Д., Ананьев Б.И.* Зачем нужна «квантовая» реформа конструктивизма в теории международных отношений? // *Вестник МГИМО — Университета*. 2016. № 6. С. 7—13.
- Барабанов О.Н., Бордачев Т.В., Лукьянов Ф.А., Суслов Д.В., Сушенцов А.А., Тимофеев И.Н.* Глобальный бунт и глобальный порядок. Революционная ситуация в мире и что с ней делать. М.: Валдайский клуб; 2017.
- Дегтерев Д.А.* Распространение культурных норм и ценностей: агентное моделирование // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2016. Т. 16. № 1. С. 141—152.
- Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод и назначение. М.: Канон; 1995.
- Смит Э.* Национализм и модернизм. М.: Праксис; 2004.
- Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. СПб.: Издательство РХГИ; 2000.
- Теоретическая социология. Антология в 2 томах* / Под ред. С.П. Баньковской. М.: Книжный дом университет; 2002. Т. 1.
- Теория международных отношений: хрестоматия* / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Гардарики; 2002.
- Тимофеев И.Н.* Баланс сил, взаимозависимость и идентичность: эмпирические модели решения дилеммы безопасности // *Вестник МГИМО — Университета*. 2008. № 3. С. 48—59.
- Тимофеев И.Н.* Дилемма безопасности: риск вооруженного конфликта между великими державами // *Полис*. 2009. № 4. С. 8—33.
- Тимофеев И.Н.* Мировой порядок или мировая анархия? Взгляд на современную систему международных отношений // *Рабочие тетради РСМД*. 2014. № 18.
- Bull H.* *The Anarchical Society: A Study of Order In World Politics*. New York: Columbia University Press; 2002.
- Haas M.* *The Ideological Origins of Great Power Politics, 1789—1989*. Ithaka: Cornell University Press; 2007.
- Waltz K.* *Theory of International Politics*. Long Grove: Waveland Press; 2010.
- Wendt A.* *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press; 1999.

Дата поступления статьи: 14.03.2017

Для цитирования: Тимофеев И.Н. Понимающая социология внешней политики: «агентная» модель поведения государства на международной арене // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2017. Т. 17. № 2. С. 265—278.

Сведения об авторе: Тимофеев Иван Николаевич — канд. полит. наук, доцент кафедры политической теории Московского государственного института международных отношений МИД РФ МИД РФ, программный директор РСМД (e-mail: itimofeev@russiancouncil.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-265-278

INTERPRETIVE SOCIOLOGY OF FOREIGN POLICY: “AGENT” MODEL OF STATE BEHAVIOR ON THE INTERNATIONAL ARENA

I.N. Timofeev

MGIMO (U) of Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The article revisits the utility of sociological theories for the students of international relations. The failure of IR scholars to predict Ukrainian crisis revealed the limits of realism, which still remains most influential IR theory. These limits make rethink the prospects of convergence of IR and sociological theories. Pros and cons of holistic constructivist theory are examined. The article results in making an “agent-focused” model composed of the concepts of Max Weber’s interpretive sociology, Graham Allison’s typology of models of decision making and Mark Haas’s model of ideological origins of great powers’ politics. In doing so, it also revisits the concept of identity as a mean to understand “social facts” and their influence on foreign policy. The emphasis on the “agent” though not the “structure” is approached as an alternative to holistic constructivism of Alexander Wendt and his epigones. The “agent” model is supposed to be more capable for studies of great powers’, which play an active role in setting up the “structure’s” parameters. Three different approaches to “agent” are considered — “agent” as a state, as a bureaucratic body or structure within the state and as decision-makers and their staff. The model is designed for further empirical research of the Russian foreign policy.

Key words: security dilemma, constructivism, social fact, interpretive sociology, agent, structure, identity, ideology

REFERENCES

- Alekseeva, T. A., Mineev, A. P., Fenenko, A. V., Loshkarev, I. D. & Anan'ev, B. I. (2016). Why Constructivism In IR Needs a “Quantum Reform”? *Vestnik MGIMO*, 6, 7—13. (In Russ.).
- Anthology of IR Theory*. (2002). Edited by P. A. Tsygankov. Moscow: Gardariki. (In Russ.).
- An Anthology on Sociological Theory*. (2002). Edited by S. P. Bankovskaya. Moscow: Knizhnyi dom universitet, Vol. 1. (In Russ.).
- Barabanov, O. N., Bordachev, T. V., Luk'yanov, F. A., Suslov, D. V., Sushentsov, A. A., Timofeev, I. N. (2017). *Global Revolt and Global Order. How to Deal with the Revolutionary Situation in the World?* Moscow: Valdai Discussion Club. (In Russ.).
- Bull, H. (2002). *The Anarchical Society: A Study of Order In World Politics*. New York: Columbia University Press.
- Degterev, D. A. (2016). Dissemination of Cultural Norms and Values: Agent-Based Modeling. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (1), 141—152. (In Russ.).
- Durkheim, E. (1995). *Sociology: Its Aim and Method*. Moscow: Kanon. (In Russ.).
- Haas, M. (2007). *The Ideological Origins of Great Power Politics, 1789—1989*. Ithaka: Cornell University Press.
- Smith, E. (2004). *Nationalism and Modernism*. Moscow: Praxis. (In Russ.).
- Sorokin, P. (2000). *Social And Cultural Dynamics*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo RKhGI. (In Russ.).
- Timofeev, I. N. (2008). Balance of Power, Interdependence and Identity: Empirical Models of Security Dilemma. *Vestnik MGIMO*, 3, 48—59. (In Russ.).
- Timofeev, I. N. (2009). Security Dilemma. Risk of Armed Conflict between the Great Powers. *Polis. Political Studies*, 4, 8—33. (In Russ.).

Timofeev, I. N. (2014). *World Order Or World Anarchy? An Approach To Contemporary IR System*. *RIAC Working Papers*, 18. (In Russ.).

Waltz, K. (2010). *Theory of International Politics*. Long Grove: Waveland Press.

Wendt, A. (1999). *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Received: 14.03.2017

For citations: Timofeev, I.N. (2017). Interpretive sociology of foreign policy: “agent” model of state behavior on the international arena. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (2), 265—278.

About the author: *Timofeev Ivan Nikolaevich* — PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Political Theory of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Program Director of the RIAC (e-mail: itimofeev@russiancouncil.ru).

© Тимофеев И.Н., 2017